

Варвара Добровольская

Щекотка: культурные смыслы и правила (по материалам Центральной России)

К.А. Богданов в своей статье о чихании и отношении к нему в традиционной культуре отметил, что даже такие «физиологические “мелочи”», которые, будучи, на первый взгляд, сугубо маргинальными для социального кругозора, обнаруживают активную идеологическую функциональность, оказываются актуальным предметом рефлексии и социокультурной экспликации» [Богданов 2001: 181]. Действительно, в последнее время интерес к таким «маргинальным» явлениям необычайно высок. Так, достаточно назвать сборники, изданные совместно Сорбонной и Русским институтом в серии «Механизмы культуры», посвященные безумию, страху и скандалу [Семиотика страха 2005; Семиотика безумия 2005; Семиотика скандала 2008], и издания, в которых объектом исследования стал смех [Смех 2002; Человек смеющийся 2008]. Появились сборники и отдельные статьи, связанные с такими психофизиологическими процессами, как сон, плач, зевание, икота и т.п. [Сон 1993; Сны и видения 2002; Плотникова 1997; Христофорова 2007; Богданов 2001; Ольман 2008; Козинцев 1999].

Варвара Евгеньевна Добровольская
Государственный республиканский
центр русского фольклора,
Москва
dobrovolska@inbox.ru

В этом списке особо следует выделить книгу [Морозов, Бутовская, Махов 2008], посвященную кросскультурному анализу структуры и семантики высовывания языка. В ней впервые проведено исследование знаковых функций и смысловой нагрузки жестов, связанных с использованием языка. На примере различных мифологических, ритуально-магических и повседневно-бытовых практик авторы проанализировали семантическую роль языка как части тела, уделяя особое внимание анализу структуры и семантики его движений, которые привлекают к себе внимание своей архаичностью.

Щекотка как элемент поведения демонологического персонажа описана достаточно подробно [Виноградова 2000], но применительно к обычным людям это «порождение особого чувства раздражения в теле касанием кожи или перебиранием ее пальцами»¹ привлекало внимание физиологов, сексологов, психологов, но только не этнографов и фольклористов. От случая к случаю в сборниках встречается поверье о том, что если человек боится щекотки, то он ревнив, а в сонниках — предупреждения: если человеку снится, как его щекочут, следует опасаться волнений и болезней, а смех от щекотки во сне свидетельствует о тоске по близким.

Работа на территории Центральной России (Владимирская, Ярославская области) показала, что в рамках самых разнообразных полевых программ информанты упоминают щекотку. Чаще всего о ней говорят в рамках опросов по демонологии и молодежным развлечениям. Однако иногда о щекотке упоминали в связи с совершенно другими темами, например, рассказывая о запретах, связанных с календарем, или о проводах в армию. Имеющийся в нашем распоряжении материал дает основание полагать, что щекотка (как само действие, так и реакция на него)² наделялась вполне определенными культурными смыслами.

Специальных исследований по щекотке в интересующем нас аспекте, насколько нам известно, нет. Исключение могла бы составить статья А.Г. Козинцева с многообещающим подзаголовком «Этюд о щекотке», но, к сожалению, работа посвящена антиповедению как таковому и некоторым разновидностям

¹ А также «доставшаяся от далеких предков рефлекторная реакция кожи человека на мелких животных и насекомых», «способ возбуждения внутренних ресурсов организма», «способ общения, доставшийся нам от обезьян», и т.п.

² В большинстве известных нам случаев информанты не делают различия между щекоткой как действием и реакцией, вызываемой ей (или отсутствием таковой). Очень часто реакция на щекотку также называется щекотка. Ср.: *Если человека щекотить — щекотка у него будет, веселие [СВИ-1941] / Веселят, когда щекочат — у него щекотка, расскажут чего смешное — смеется человек, смех стоит [КАФ-1934].*

смеха, которые могут быть вызваны «телесной реакцией» [Козинцев 2002: 5] на щекотку. Автор подробно рассматривает смех от щекотки и приводит ссылки на ряд статей [Provine 1996; 2000: 99; McDougall 1931: 395; Weisfeld 1993], в которых утверждается, что это «примитивная физиологическая реакция» [Козинцев 2002: 6]. Затем, пересказывая теорию И. Канта и Э. Геккера [Кант 1994: 208–209; Hecker 1873: 76–83], он отмечает, что щекотка возбуждает симпатический отдел вегетативной нервной системы, нарушая кровоснабжение мозга. Приводится несколько соображений о том, что для достижения результата щекотать должен не сам субъект, а партнер, что реакция несоразмерна физическому стимулу, что объект щекотки должен находиться в соответствующем настроении и т.д. В итоге автор отвлекается от заявленного им предмета исследования и начинает разбирать смех как «врожденный и бессознательный метакоммуникативный сигнал игры» [Козинцев 2002: 21]. Материалом служат детские игры, в которых ставится знак равенства между щипками, ударами и щекоткой¹. Таким образом, на деле статья посвящена онтогенезу и филогенезу юмора, а вовсе не щекотке.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов видно, что щекотка, точнее, реакция на нее, выполняла прежде всего функцию некоего знака, свидетельствующего о наличии у человека, подвергнувшегося испытанию, определенных качеств. Самым распространенным является представление о том, что человек, который боится, т.е. реагирует смехом (или другими звуками) на щекотание, очень ревнив: «Если человек боится щекотки, то он тебя [того, кто щекочет. — В.Д.] ревнует» [СВИ-1941] или «Когда человек хохочет, если его щекочут, то он тебя ревнует» [МНА-1933]. Однако в рамках более детального опроса выяснилось, что смех от щекотки является знаком ревности только для мужчин: «Если мужчина боится щекотки, то он очень ревнивый» [ПКП-1934] или «Вот если мужик от щекотки гогочет — ревнив больно, а баба не, о ней так не скажут» [КАФ-1934].

Необходимо отметить, что проявляемая мужчиной ревность, как правило, оценивается негативно. Достаточно сравнить причины, по которым муж может бить жену, и оценку этого действия окружающими: «Вот он свою бабу бьет, выпьет и бьет. Плохо, вообще хороший мужик он не бьет, он только слово скажет — она уже знает, но вот если бьет, то вообще-то любит, значит, она ему не просто так. Когда любит и стукнет — то можно; мужик, когда любит, может и стукнуть. Он от этого

¹ Ни одного примера с щекоткой автором не приведено.

плохим мужиком не становится. А вот если приревновал к кому и бьет, или там что не по нему баба сделала — это плохо, мужик значит неправильный. Порок у него какой» [РНС-1936] или «Если мужик бабу по любви бьет — то можно, а если от ревности — убогий он. От ревности только недоносок какой бьет» [ЕСМ-1921]. При определении подходящего жениха ревность рассматривалась как значимый недостаток: «У нас могли и не выдать девуку, если ее парень еще до свадьбы ревновал. Ревнивый муж — сплошные слезы. Ревность больно нехорошо. Ревнивый да жадный мужик — лучше холостой, а не твой» [КАИ-1928].

При гадании по поведению курицы, широко распространенном на данной территории, старались обратить внимание не только на то, что клюнет птица, принесенная в дом из курятника, но и как она себя поведет. Агрессивность несушки рассматривалась как верный признак того, что будущий жених будет ревнивцем: «Вот смотрели, что клюнет, воду там, зерно, зеркало, золу. Вот у меня клюнул золу — “Курыка будет”, и правда смолил постоянно. А вот еще курица такая боевая, на всех кидалась — “Ревнивый”. И вот он меня всю жизнь ревновал. Ревнивый мужик — это прям наказание» [ПВП-1923]¹. Таким образом, щекотка и вызванный ею смех помогали выявить такой существенный с точки зрения деревенского сообщества недостаток мужчины, как ревность.

Следует отметить, что для женщины ревность не является пороком или даже недостатком: «Баба ревнует мужика — а ей что делать; мужик свободен, а она нет, на ей все. Она когда ревнует — она семью хранит, а мужик — дурь тешит» [ЛАИ-1921]. Вероятно, поэтому щекотка и реакция на нее женщины является не знаком, указывающим на склонность к ревности, а доказательством неверности мужу: «Если женщина боится щекотки, то она от мужа гуляет» [ГМП-1928] или «Если бабу пощекотать, а она хихикат, то значит, от мужа гулят» [ВАБ-1919].

В данном регионе запрет женщине смеяться зачастую связан с опасением, что муж начнет от нее гулять: «Молодухе смеяться ни ни — она смеется, а мужик ейный гулять начнет, плакать придется» [БМП-1915]². В то же время в некоторых ситуациях смех выступает как знак, указывающий на наличие запретных сексуальных отношений. Так, совместный смех кума и кумы может рассматриваться как свидетельство существующей между ними сексуальной связи: «Вот если кум с кумой гогочут вме-

¹ Отметим, что в «Словаре русских народных говоров» во всех статьях, связанных с понятием ревности, используются примеры, в которых ревность мужа синонимична беде.

² Аналогичный пример см.: [Добровольская 2008а: 170].

сте, ну там смешно им, верный знак — блудят. Грех это, им нельзя, а то говорят — плоха кума, что под кумом не была, а все грех, а если смеются, то точно было у них» [ЖЕА-1927]¹.

Однако здесь речь идет не о смехе, вызванном щекоткой, а просто о смехе. В следующем случае именно реакция на щекотку становится знаком неподобающего женского поведения: «Если бабенка от щекотки визжит, то примета верная — от мужа гуляют, гуляща бабенка» [ЕКВ-1926]. Многие отмечают, что женщины стараются перетерпеть щекотку, «чтоб разговоров не было — вот тебя пырнут, а ты уж терпишь, а то скажут “Гуляет!”» [ГАН-1918]. Однако и в этом случае считается, что неверная жена не сможет не засмеяться, а верная — перетерпит щекотку: «Вот если баба от мужа гуляют, то ее только пощекотать — она визжать будет. Вот даже знают некоторые и терпеть стараются. Вот если баба верная, то уж перетерпит, а если взвизгнет — гуляща» [БМФ-1930].

Кроме того, считается, что с помощью реакции на щекотку можно проверить потенциальную неверность будущей жены, поэтому в прошлом во время гуляний или посиделок парень старался пощекотать понравившуюся ему девушку². Лучшей женой считается та, которая взвизгнет от прикосновения, но не зайдется смехом: «Девку ткнешь, так и смотришь. Вот если взвизгнет, а потом все — хорошая жена будет, гулять не будет, себя блюсти сможет» [АЕА-1928]. Если у девушки от щекотки начинается неумный хохот, то она «не строгих правил девка, блюсти себя не будет» [ГЛИ-1940].

Если же девушка никак не реагирует на щекотку, то это признак потенциальной бездетности: «Вот смотришь — девка вроде видная, а щекотнет ее парень, а она хоть что. Таких вот в жены не брали, разве что вдовы к детям, потому говорили, что если девка от щекотки не взвизгнет, то у ей дитев не будет» [БВН-1940].

До 40-х гг. XX в. потенциальную невесту намеренно щекотали после обряда «прыганья в сарафан», который был распространен на территории Владимирской области [Добровольская 1999: 178–180; 2004: 121–123]. Родители или крестная, после того как обряд был завершен, щекотали девушку, чтобы понять, выйдет она замуж или нет. Отсутствие реакции на щекотку было признаком предстоящего стародевства: «Вот когда маленькой была, то вот тетки мои, девками они были, в сарафан

¹ См.: [Добровольская 2008а: 171].

² В настоящее время простота деревенских нравов позволяет парню на танцах или молодежных вечеринках пощекотать понравившуюся девушку, правда ее реакция никак не влияет на дальнейший ход событий: «Я щекотал свою — она всегда визжит и тогда визжала, а что, я взял, от хорошего мужика гулять не будет. А так-то говорят — гуляща» [ТМИ-1956].

прыгали — вот они, наверное, последние, наша подроцца уже не прыгала, уже не было такого обычая, а они прыгали. Ходили так по лавке и прыгали в сарафан, ну им родители держат, а она прыгнет. Вот если она в его вспрыгнула, то ее сватали, она уже невеста, а нет — сватов не засылали, нельзя ее еще сватать. Бабка наша еще их щекóтила, смотрела, кому в девках сидеть, а кому замуж выходить. Если вот не взвизгнет от щекотки — черниченкой будет, не посватают» [ЕАС-1918].

Таким образом, щекотка рассматривалась как средство для определения подходящего брачного партнера, что было, безусловно, важным для деревенского сообщества.

С помощью щекотки не только проверяют «правильность» потенциального партнера, но и выбирают домашних животных с определенными качествами. Так, кошка, реагирующая на щекотку мурлыканьем, считается лучшей охотницей, чем та, которая старается избежать подобного испытания: «Если кошку пощекотать, а она мурлычет, то мышей хорошо ловит» [ПГМ-1925] или «Кошка от щекотки мурлычет — мышей всех переловит, а извивается — плохая охотница» [АМИ-1920].

С помощью щекотки проверяют сторожевые качества собак и ездовые — лошадей. Так, пощекотав собаку и определив, что она боится щекотки, приходят к выводу, что она плохой сторож, но зато она будет незаменима на охоте: «Собаки, бывает, щекотки бояться — значит, дом сторожит плохо, воров проспит» [БМК-1908] и «Если собака щекотки боится, вся извивается — если ей брюхо пощекóтят, то у ней нюх, на уток она хороша, на охоту с ней ходи, а сторож она никакой» [БВС-1935]. Если лошадь пощекотать внизу шеи и она прореагирует на щекотку, то, скорее всего, она быстро устает и имеет норовистый характер и поэтому не годится для хозяйственных работ: «Лошадь, она выносливая и спокойная нужна была, у нас тут не катания, а в поле пахать. Тут смотрели, чтоб вынослива была. Подойдут, вот где у ей шея в ноги переходит, пощекочут и смотрют — о! взвилася, всё — норовистая лошадка, таку покупать не будут, а если стоит спокойно — значит, хороша лошадь, вынослива на работу — берут такую. Проверляли вот так» [ПВП-1923].

В качестве знака, предвещающего определенные события, щекотка присутствует в снотолкованиях. Самым распространенным является толкование сна, в котором человека щекочут. Считается, что в этом случае его ожидают болезни: «Вот тут если во сне тебя щекочет кто, то уж это верно, мама моя всегда говорила, это верно болеть будешь, заболешь шибко, вот если во сне щекочет тебя кто» [ЛАИ-1921]. Иногда щекотание во сне предвещает тревогу и волнения, которые не имеют под собой реальных фактов: «Бывает вот, что во сне снится, как ще-

котят тебя — это вот точно утром, значит, начнешь думать о чем не то, волноваться, и вроде ни о чем, а вот волнуешься, всю тебя переворачивает, ждешь всегда нехорошего чего не то, а вот причины-то вот нету, нету никакой причины. Это вот если щекотка приснится в ночь» [ЕАС-1918].

Напротив, если во сне объектом щекотки выступают другие люди, то это предвещает определенные лишения, которым подвергнется «хозяин сна» из-за болезней или по недоразумению: «Вот мне снится как-то, что я щекочу брата своего, прям вот щекочу и щекочу. Прям, к чему думаю, так чудно снится? А мне вот сказали, что я, значит, чего-то лишусь по глупости ли, по хвори какой. И точно, всем вот тут начали поездки давать в санаторию, а я вот прихворнул и вот не поехал. Вот лишился по болезни поездки. Сон вот, правда, говорят в руку» [ГАН-1918].

Иногда информанты разделяют щекотку, увиденную во сне, и смех от щекотки. Если основное внимание человека, увидевшего сон, сосредоточивается на том, что он щекочет или его щекочат, то толкования обычно совпадают с вышеупомянутыми, т.е. щекотка предвещает либо болезни, либо потери. Однако если основное внимание сосредоточивается на смехе от щекотки, то толкование такого сна будет другое. Смех от щекотки, увиденный во сне, свидетельствует о предстоящей разлуке с любимым человеком и тоске по нему: «Говорят, что, если видишь во сне, как ты смеешься от щекотки, плакать будешь и тосковать, прям вот сразу. От любви тосковать будешь. Любимый человек какой не то от тебя уедет, а ты, значит, будешь тосковать, плакать, печалиться. Разлука и печаль будет, если во сне смеяться будешь от щекотки» [ГЛИ-1940].

Обычно разлуку предвещает и ругань с человеком, который пытается тебя пощекотать во сне: «Вот у меня брат не должен был призываться, у него бронь была, он должен был остаться. А вот мама сон увидела, что он ее пощекотать хочет, а она его ругает. И вот она проснулась и говорит, что вот его призовут, уйдет он. Мы ей про бронь, а она говорит — разлука будет и уйдет он. И правда он с завода вернулся и говорит, что с них бронь сняли, призвали его. И мама очень по нему тосковала. Вот ведь щекотка к разлуке» [КАФ-1934].

Как видно из приведенных примеров, щекотание во сне предвещает болезни, утраты и разлуку. Интерпретация сна строится по принципу зеркальности, т.е. для сновидений реальная щекотка осознается веселым, радостным занятием, которое согласно логике толкования снов приобретает противоположную, негативную оценку: радостное событие выступает предвестником печали.

Щекотка редко рассматривается как положительное действие. Не случайно ее применение ограничено целым рядом запретов и предписаний, соблюдение которых призвано оградить человека и сообщество от негативного влияния щекотки. Следует отметить, что щекотка, щипание и шлепки в Центральной России являются распространенными элементами игровой культуры в самом широком значении этого понятия. Выразить свою симпатию к человеку противоположного пола, выказать восхищение красотой девушки и ребенка, оказать «сочувствие» или поддержку, вообще выразить свою сопричастность к событиям в жизни другого человека можно через одно из этих действий. Ребенка или девушку могут ущипнуть за щеку, выражая одобрение внешнему виду. Мужчины хлопают друг друга по спине или плечам, проявляя радость встречи. Шлепки и щипки мужчинами старшего поколения молодых женщин и девушек дают первым безнаказанно декларировать свою маскулинность, а вторым — целомудренность. Между молодыми людьми обоих полов проявление симпатии и заигрывание также довольно часто осуществляется при помощи подобных действий. Однако, судя по рассказам информантов именно об этой стороне человеческих взаимоотношений, несмотря на видимую легкость и естественность данных действий, существуют ограничения, которым стараются следовать. Большинство правил связано именно со щекоткой. Их можно разделить на несколько групп.

Прежде всего, следует отметить ограничение на щекотание, связанное с календарными датами. Так, в обследуемом регионе зафиксирован категорический запрет щекотать мужчин на Троицкой неделе. Мотивируется он тем, что в это время водяные духи чрезвычайно опасны для мужчин, которых они могут утопить: «На Троицу, вот всю неделю нельзя щекотать молодых мужиков. Говорят, они потопнут этим годом» или «Мужиков всю Троицу не щекоти — водяной, говорят, утащит. Утопнут они» [ВАН-1919].

На данной территории традиция, связанная с русалками, щекочущими и утаскивающими мужчин в воду, крайне бедна, хотя единичные тексты быличек о них в наших материалах встречаются. Значительно чаще упоминаются другие демонические персонажи, такие как водяные черти или водяной, которые, безусловно, могут утащить человека под воду. Однако в записях не встречается упоминание о том, что данные демонические существа щекочут свою жертву. Тем не менее, опираясь на временные границы запрета, можно предположить, что он первоначально связан с русалками. Как видно, запрет щекотать представителей наиболее незащищенной от водяных духов половозрастной группы (молодых мужчин) мотивирован

угрозой аналогичных действий со стороны самих этих духов: действие, сходное с поведением русалок, может привлечь их к отмеченному таким образом мужчине. Вероятно, считается, что щекотка привлекает мифологических существ, особенно если человек находится на их территории, причем необязательно это должны быть существа, сами прибегающие к щекотке. Так, довольно устойчив запрет на щекотку в лесу, поскольку это может привлечь к человеку лешего: «В лесу не щекочут — леший водить будет» [БМП-1915].

Опасно щекотать и в так называемые грозовые праздники¹. Считается, что если пощекотать человека на Егорьев день или в Благовещенье, Казанскую, Петров или Ильин дни, то он непременно умрет до следующего праздника, причем смерть его будет скоростижна: «Вот нельзя человека в Благовещенье щекотить. Он этим годом и приберется. Даже вот здоровый и вдруг прям вот и умер» [АМИ-1920]. Иногда, хотя и крайне редко, встречается упоминание о том, что смерть наступает от удара молнии: «Вот если на Илью пощекотать кого — его громом убьет. Прям, вот этим годом» [БМК-1908].

Смерть от молнии является в данном регионе свидетельством неправильного поведения в праздник², совершения в особо значимый день неподобающих греховных и потому опасных поступков. Сравним: «На Егория кто в огороде работает — грешник. Егорий грозный праздник, накажет, в этот год приберется. Громом убьет» [БМП-1915] — «На Егория белье стирать грех. Егорий Бедоносец, говорят. Он громом за это убьет» [СЕИ-1925] — «На Егория заборы не чинят. Коля вбивать нельзя. Громом убьет. Грозный праздник» [ТМИ-1915] — «Щекотаться на Егория — страшный грех. Он Бедоносец, тех, кто щекотался, приберет, громом убьет» [ФВА-1928]. Как видим, щекотка входит в один ряд с действиями, которые в данный календарный период представляют угрозу для жизни человека, и поэтому она осознается как греховное и опасное занятие.

Запрещена щекотка и на день Ивана Постного, который вообще насыщен всевозможными запретами³. Считается, что люди, которые щекочут в этот день, будут страдать мышечными и суставными болями в руках, вплоть до полной их неподвижности: «На Головесека щекотить никого нельзя — руки болеть будут и отымутся, прям так и скрючит как щекотил» [РНС-1936]. Жертва щекотки тоже может подвергнуться божьей каре;

¹ О грозовых праздниках на данной территории см.: [Добровольская 2005].

² Для некоторых других территорий, прежде всего русского Севера, в сюжетах, связанных со смертью святого, гибель от молнии является знаком избранности, соответствия высшим духовным стандартам.

³ Подробнее об этом см.: [Добровольская 2008б].

ей угрожает эпилепсия: «Вот если на Ивана Постного тебя пощекочут, то уж тут может падушая случиться, прям замучит. Будешь весь извиваться, как будто тебя черт щекочет. Очень опасались, следили, чтоб кто не пощекотал» [СВИ-1941].

Считается, что во время щекотания поведение человека похоже на пляску, а одной из основных санкций этого дня является именно запрет на танцы, наиболее распространенной мотивировкой которого является возможная эпилепсия и паралич конечностей: «На Ивана Постного танцевать ни в коем разе! Падушая замучит, весь пеной изойдешь» [СЛФ-1918]; «Кто на Ивана Постного танцует, тот обезручит-обезножит, паралик его хватит. Нельзя танцевать в этот день — грех большой» [ЕКВ-1926]. Таким образом, щекотка и танец в день Ивана Постного на основании сходства движений рассматриваются как действия, опасные для человека.

Существует запрет и на щекотание людей в *плохое время* или в *неурочный час*. Повсеместно распространено предписание о том, что во избежание беды в полночь никого нельзя щекотать: «Нельзя в полночь щекотить — беда как случится, всю жизнь маяться будешь» [РНС-1936]. Аналогичный запрет распространяется и на щекотание в полдень, поскольку предполагается, что людей, подвергшихся щекотанию, будет мучить суставная и головная боль: «В полдень щекотать ни ни — будешь или головой маяться, или руки-ноги крючить будет» [ФВА-1928]. Не рекомендуется щекотать людей летом, так как они будут страдать от солнечных ударов: «Летом не щекоти никого, нельзя это. Вот общекотишь человека, а он вот потом маяться будет — ему все время солнце в темечко печь будет, удар у его солнечный будет» [ЛАИ-1921].

В рассматриваемой традиции наиболее опасным и неблагоприятным для человека днем считается суббота. Этот день неблагоприятен для большого числа самых разных дел [Добровольская 2006], в том числе и для щекотания. Например, нельзя щекотать женщин, так как у них будут дохнуть куры: «В субботу никого щекотать нельзя — особенно баб. Вот как бабу пощекотят, у ей куры все и передохнуть» [ПГМ-1925]. Запрещается также щекотать и всех остальных, поскольку «в субботу обязательно какая недостача случается, если вот кого пощекотить, то у его что-нибудь случится: машина сломается, дом сгорит или еще там что» [СЕИ-1925].

Довольно значительная группа прескрипций связана с метеорологическими явлениями. Запрещается щекотать людей в грозу: «Во время грозы щекотать нельзя — громом убьет» [СЛФ-1918]. Данный запрет ничем не выделяется из общей массы действий, которые нельзя делать во время грозы. Другой

норматив более интересен. На данной территории зафиксировано несколько действий, которые нельзя делать при наличии радуги в небе. Например, нельзя причитать по покойнику, заговаривать ряд болезней, ткать, ставить опару, раздаивать корову и щекотать. Мотивировка у этих запретов сходная: «Радуга засосет, пропадет человек» [ПГМ-1925]; «Под чертовым ковром кто ж щекочет — нельзя. Засосет, говорят, пропадет куда не то» [ЖЕА-1927].

Вероятно к этой же группе надо отнести запрет щекотать кого-либо на берегу реки: «На берегу щекотать нельзя — река уведет, человек исчезнет, пропадет не знам куда» [ЛАИ-1921]. Здесь, так же как и в случае с радугой, природному явлению приписывается антропоморфность. Эту антропоморфную демоническую сущность и привлекает к человеку щекотка¹.

Рассмотренные выше запреты на щекотку в традиции Центральной России относительно бедны как по числу, так и по разнообразию вариантов. Совершенно иная ситуация с прескрипциями, регулирующими поведение в различных пограничных по возрасту, социальному и / или физиологическому статусу группах.

Довольно жесткие запреты распространяются на щекотание младенцев. Так, категорически не разрешается щекотать младенцев, которые не начали разговаривать: «Если младенец еще не говорит, то его щекотать нельзя. Он так и не заговорит, а только хихикать, как дурачок, будет» [ЖЕА-1927]. Иногда информанты отмечают, что нельзя щекотать детей, которые агукают, т.е. тех, которые не произнесли ни одного слова: «Маленьких деток щекотать нельзя, если они еще агукают — они говорить не будут. Вот как скажет мама там или дай — можно, а пока гулит — нельзя, говорить так и не начнет» [БМК-1908].

Реже запрет распространяется и на период первых слов ребенка и заканчивается лишь тогда, когда он начинает говорить целые фразы: «Щекотить младеню нельзя, пока не начнет говорить ладно, не “папа, мама, дай”, а вот целиком, со смыслом. Если пощекотить, пока гулит — все, будет немотырь, говорить не будет» [ЛАИ-1921].

Встречаются и другие мотивировки. Так, считается, что щекотание, наряду с переступанием через ребенка и укладыванием

---

¹ Мы знаем еще один пример, в котором не за действие, а за неправильное словоупотребление река «уводит» человека. М.Д. Алексеевский любезно сообщил, что в Архангельской области нельзя говорить *пойти за водой*, так как в этом случае *вода за собой и уведет*. Правильно и соответственно безопасно говорить *пойти по воду*. Отметим, что это довольно редкий тип нормативов на произнесение определенных слов (см. профессиональные запреты, связанные со словом *последний* и т.п.).

агукающих детей на стол, является основной причиной прекращения их роста: «Детишек маленьких не щекочут, пока не заговорят — расти не будут» [БМП-1915]. Иногда запрет имеет другую мотивировку, которая связана скорее всего с щекоткой как основным действием представителя потустороннего мира. Детей, пока они не заговорят, запрещается щекотать во избежание их похищения нечистой силой: «Детей, пока говорить не начнут, щекотать нельзя — нечистый унесет» [РНС-1936].

Наиболее пожилые информанты говорят, что щекотать ребенка запрещено до тех пор, пока он не сможет сам перекреститься и сказать «Господи, помилуй», что считается основным оберегом от попыток нечистой силы завладеть человеком: «Нечистый может унести ребенка, часто детей уносит. Чтoб не унес — щекотить нельзя младенцев. Пока сам “Господи помилуй” не скажет, вот чтoб понятно было, и пока сам не перекрестится — щекотить не приведи Бог, нечистый унесет. Следили очень» [ГАН-1918].

Здоровью младенца всегда уделялось большое внимание, и многие запреты на щекотку связаны с обеспечением его физического благополучия. Неуместное щекотание представляет угрозу многим физическим параметрам ребенка. Так, нельзя щекотать пятки и даже ножки младенца, так как он «хроменьким будет, так вот пальчики подождутся, и вот так вот вперевалочку ходить будет» [АЕА-1928]. Видимо, подобное представление распространено и в Европе. Так, в 1947 г. в Англии (Девоншир) было зафиксировано следующее поверье: «Если ребенку пощекотать пятку, он вырастет хромым» [Энциклопедия суеверий 1995: 484]. Собиратели утверждают, что подобное представление распространено как на юге, так и на севере Англии.

Вообще щекотание отдельных частей тела даже подросткового ребенка может привести к дефекту этих органов. Так, если пощекотать ребенку шею, то он может лишиться голоса: «Вот горло у деток, ну, шею не щекотят — если пощекотить, то голоса не будет или осиплый какой станет» [ТМИ-1915]. Существуют также запреты щекотать живот, за ушами и подмышки во избежание неумеренности в еде, потери слуха и боли в руках: «Ребёнки любят, когда их щекотят, только вот живот щекотить нельзя — обжорой вырастет, вечно голодным будет» [ПГМ-1925]; «За ушками у деток приятно так, так и хочется щекотнуть, повеселить его — нельзя за ушами-то, вот, сколько слушаев, глохнут детки-то» [АЕА-1928]; «Когда с детишками играешь, иногда щекочешь их — вот подмышье, говорят, нельзя — руки крючить будет, болеть будут» [ГАН-1918].

Щекотка осознается настолько опасной для ребенка, что считается необходимым ограждать от нее и беременную женщину во избежание угрозы здоровью будущего ребенка. Предполагается, что если кто-либо пощекочет беременную женщину, то ее ребенок будет страдать от судорог: «Тяжелую бабу щекотать нельзя — младеня судорогами мучиться будет» [РНС-1936].

Однако и для самой беременной щекотка представляет определенную угрозу, поскольку у нее может случиться выкидыш, особенно если ее будет щекотать муж: «Беременную бабу муж щекотать не должен, а то ребенка сбросит» [ТМИ-1915]. Иногда запрет на щекотание беременной связан с опасением вызвать токсикоз: «Вот у нас случай был. Баба одна пятого, шестого наверное, носила. Все разы хоть что, а тут ее дед, ейный дед, ну там сказал, что она така кругла, така добра, ну и щекотнул — она и взвизгнула. А уж месяцев шесть было-то. И вот прям сразу, ее выворачивать стало, все мутит, все тошнит, прям спасу нет. Тогда сказали, что баб, тяжелые кто, нельзя щекотить — они мучатся очень, блюют сильно, мутит их» [СЛФ-1918].

Еще одной группой риска являются молодые девушки. На исследуемой территории девочку считали девушкой с того момента, как у нее начинались регулы и над ней был совершен обряд «хождения в молодые» [Добровольская 1999; 2004]. Начиная с этого момента она входила в возрастную группу, называемую *подроцца* , и рассматривалась деревенским социумом как совершеннолетняя. Возрастные границы этой группы очень узкие, нижняя граница относится к 12–13 годам, а верхняя — к 15–16. Запреты, связанные с месячными в традиции Центральной России, весьма богаты и разнообразны. Более того, они относятся к категории самых актуальных и соблюдаемых в настоящее время. Во время первых месячных девушку не должны щекотать представители противоположного пола во избежание излишне долгого срока регул: «Вот как перво платно пришло — девку никто из мужиков щекотить не могли. Если пощекотит — замучается девка, неделями это дело длится будет» [ФВА-1928]¹. В это же время девушку не должны щекотать родные из опасения, что месячные прекратятся вообще: «Вот в первые месячны не щекоти — ни мать, ни отец. А то прекратится все, и вообще не придут больше, так и останется ни дите, ни девка» [СЕЙ-1925].

Необходимо отметить, что опасность прекращения месячных необычайно актуальна для этой традиции и связана с предпо-

---

¹ Для традиции Центральной России срок месячных является существенным моментом; для установления оптимального периода продолжительности менструации совершался ряд магических действий. Долгие месячные рассматриваются как отрицательное качество, и соответственно все, что может увеличить их продолжительность, является опасным.

ложением о том, что время можно повернуть назад в результате нарушения определенного предписания. Например, целый комплекс правил, связанных с поведением девушки за столом, призван предотвратить прекращение месячных и устранить угрозу постоянного пребывания девушки в статусе ребенка¹. Отметим также, что в наших записях имеется несколько вариантов запрета щекотать девочек до тех пор, пока не началась первая менструация. Но, видимо, все-таки речь идет не о ребенке, а о девочке в период ожидания прихода первых месячных, поскольку норматив в этом случае регулирует все те же матримониальные намерения: «Девку, пока у ей платно не пришло, вдова щекотать не должна — замуж не выйдет» [МНА-1933].

Рассматриваемая группа прескрипций, видимо, первоначально распространялась на срок от первой менструации до совершения обряда *хождения в молодые*². Поскольку этот обряд связан с признанием за девушкой права считаться потенциальной невестой, то запрет на щекотку в данном случае призван предотвратить наиболее опасную угрозу, а именно стародевство. Считается, что если девушку до совершения над ней обряда пощечочет мужчина, то ее не будут сватать и она останется незамужней: «Девоч, пока в молодые не сходят, мужик щекотать не должен, а то старой девой будет» [КАФ-1934].

Не должны щекотать девушку и женщины, так как в противном случае полагали, что к ней будут свататься неподходящие женихи, которые могут бросить ее перед самой свадьбой, тем самым сделав ее объектом насмешек и, следовательно, потенциально непригодной к следующему сватовству: «Пока в молодые не сходят — тут бабы, даже мать, старались не щекотать. Если пощечотить, то ее жених ее бросит перед свадьбой, сколько случаев было! Потом уж все насмеяться будут, что брошенка, и уж кто ее еще возьмет, кому уж она нужна будет такая. Так и будет в девках сидеть» [МНА-1933].

Выделяется категория людей, которым вообще не рекомендуется щекотать девушек во избежание негативного влияния на их будущую семейную жизнь. К ним относятся вдовы, солдаты и бездетные женщины³. Предполагалось, что они могли с помощью щекотки передать свои негативные качества девушкам. Так, бездетная женщина, пощечотав девушку, передает ей свою бесплодность: «Бездетная баба щекотать девку не

¹ Подробнее см. [Добровольская 2010] и [Добровольская 2009: 83–86].

² В настоящее время граница запрета ограничена возрастом — 17–18 лет, т.е. возрастом, с которого возможно вступление в брак.

³ Женщинам этих групп вообще не рекомендовалось дотрагиваться до девушек.

должна, а то у ней (у девушки) детёв не будет» [ЕАС-1918]. В то же время именно бездетной женщине приписывается способность прекратить с помощью щекотки деторождение. Так, если детей в семье слишком много¹, то как один из магических приемов прекращения деторождения и в настоящее время используют² щекотание многодетной матери бездетной женщиной: «Вот уж если дитей-то, как в стручке гороха, то уж это прям беда. До десяти нормально, хорошо, а потом уж прекращали. Кто как. Но вот мне бабушка говорила, что ее тогда неплодна баба пощекотила. Надо вроде так пощекотить, чтоб значит, взвизгнула, и после уже дитей не будет. Станешь неплода» [ЖЕА-1927].

Вдова также не должна щекотать девушек, поскольку в противном случае последняя рано овдовеет: «Вдовая щекотить девку ни ни. Если пощекотит — все, овдовеет первым годом. Проверено это» [ФВА-1928]. Иногда полагают, что если вдова пощекочет девушку, то ту бросит жених: «Вдовой сговоренку щекотить не след. Если пощекотит — то ейный жених ее бросит» [КАФ-1934]. Верят также в то, что к девушке никто не посватается и она «весь век одна будет, как вдовая, и вот очень опасалась, чтоб вдова не пощекотала» [МНА-1933].

С одной стороны, солдатка³ не должна щекотать молодых девушек, чтобы не подвергать их угрозе остаться одинокими: «Солдатка девку щекотнуть — плохо это. Так на всю жизнь в девках останется, или еще хуже — замуж выйдет, а муж уйдет куда, вроде при муже, а вроде одна» [ПГМ-1925]. С другой стороны, щекотка представляет угрозу для самой женщины. Так, считается, что если пощекотать жену, ждущую мужа из армии, то он не вернется к ней: «Вот если мужик в армии, а его бабу пощекотать, то он к ней не вернется, закрутит там с другой и не вернется» [БВС-1935].

Заметим, что в традиции исследуемого региона довольно устойчив завет щекотать тех, кто так или иначе связан с армейской службой. Прежде всего это касается новобранцев, уход которых в армию сопровождается большим числом нормативов, призванных обеспечить ему благополучную службу

¹ Отметим, что для исследуемой традиции многодетность, как и бездетность, считалась Божьим наказанием и требовала принятия определенных магических действий с целью прекращения излишнего деторождения. По утверждениям наших информантов, после десятого ребенка нужно было позвать в дом «неплодну бабу и чтоб она свой пояс хозяйке отдала — тогда дети больше рождаться не будут» [МНА-1933]. Заметим, что и бесплодная женщина с помощью вещи многодетной матери могла приобрести способность к деторождению.

² Хотя рассказывают об этом как о некоем курьезе: «Ну, вот много детей, ну вот что ль неплоде какой пощекотить — смеемся так. Но вообще щекотят» [БВС-1935].

³ В настоящее время солдаткой называют не только женщин, чьи мужья в армии, но и тех, у кого мужья находятся в длительном отсутствии (например, в тюрьме или на заработках).

и обязательное возвращение домой. Многие отмечают, что невозвращение новобранца домой после службы является несчастьем как для его родных, так и для него самого. При этом он может приехать после службы всего на несколько часов, но должен вернуться во избежание неприятностей. У не вернувшегося домой после службы в армии молодого человека обязательно не сложится жизнь: «После армии нужно навсегда вернуться домой, а потом можно уехать хоть куда, но только вернуться. Вот откуда проводили — туда и вернуться, а то жизнь не сложится» [БВС-1935].

Опасаясь за будущее солдата, стараются, пока он на службе, не переезжать в новый дом, чтобы он вернулся в то же самое жилище, откуда уходил: «Вот пока парень в армии, в новый дом не переезжают. Он вернется должн туда, откуль ушел. Если сразу не вернется — судьбу себе сломат» [ВАБ-1919]. Сопровождается уход в армию и магическими действиями (пригибание березы к земле, вывешивание одежды новобранца на забор и т.п.), призванными обеспечить благополучное возвращение призванного. Скорее всего, необходимость возвращения домой после службы связана с потребностью завершать любое действие, прежде всего обрядовое, наделенное значением переходного акта. Уходя из дома на службу, молодой человек находится в состоянии перехода из одной возрастной группы в другую. Уходя в армию, он еще *парень*, а вернувшись и (что, видимо, важно) отгуляв возвращение, осознается уже *мужиком*: «Он отслужил, мужик молодой, а если не служил — парень» [ПГМ-1925]. Вероятно, до тех пор, пока он не вернулся в родное место (которое покидал еще в статусе *парня*) и не был там признан в этом новом качестве *мужчины*, сам этот переход подсознательно воспринимается как незавершенный, а такое незавершение (как и всякое незавершение переходного действия) грозит ему в будущем неустроенностью. Ср. негативное отношение к бракам, заключенным в армии: пока парень не вернулся из армии, он воспринимается как еще не достигший того статуса «мужской зрелости», когда подобает вступать в брак.

Щекотка в контексте обеспечения правильного возвращения из армии традиционно рассматривается как опасное действие: «Если парня в армию провожают, то стараются, чтоб его случаем никто не щекотнул, а то домой не вернется, а если не вернется сразу, то судьбы не будет. Всю жизнь маяться будет» [ВАБ-1919]. Более того, некоторые исполнители утверждают, что причиной невозвращения новобранца может стать непонятная и не мотивированная внешними событиями смерть: «Новобранцев щекотать нельзя — они домой не вернуться, помрут, не пойми от чего, вот ничего не будет, а помрет»

[АЕА-1928]. Значительно реже причиной смерти, а, следовательно, невозвращения называют войну, которая может начаться, если в армии окажется солдат, которого пощекотали: «Некрутов нельзя щекотать, а то помрут на службе или война начнется и их поубивает» [БВС-1935].

Щекотка представляет угрозу и взаимоотношению солдат с девушками. Так, девушка, которая ждет парня из армии, должна остерегаться, чтобы родня или знакомые случайно ее не пощекотали, так как в противном случае она изменит солдату или, не дождавшись его, выйдет замуж за другого: «Если девка парня с армии ждет, а ее кто пощекочет, не дождется, переспит с кем. Нельзя таких щекотать» [БМФ-1930] или «Случай у нас был. Парень в армию ушел, его девка ждать обещалась. Хорошая такая девка, любовь така была. Она ни с кем не гуляла, его ждала — честная. У ней брательники младшие, малые совсем. Они начали игратья, ну как играютя с детьми, шумят, визжат — и вот один взял да и сщекотнул сестру. Ну, так вот в игре. И вот, хоть плачь, девка прям за две недели за другого вышла, прям как подменили ее. Потом уж сказали, что это, потому что сщекотнули ее. Нельзя, если ждут из армии, так-то делать» [ПГМ-1925].

Весьма опасна щекотка для пожилых людей. Она, наряду с песнями, плясками, яркой одеждой, т.е. всем тем, что согласно народным представлениям не соответствует возрастному поведению, может спровоцировать смерть. Сравним: «Если старуха песни поет, то это говорят — к смерти распелась. Умрет она вскорости, нельзя петь старикам», «Уж вот бывает — плясать хочется, а нельзя. Старухам пляска к похоронам, умрет, танцы, они молодым — старухам только смотреть» [СЕЙ-1925], «Старухи у нас синяк носят, синее все, немаркое, платок вот синий, не черный, но синий и кофту вот синюю носят. Раньше вот сарафан синяк назывался. Если в синяке баба — старуха, значит, знали все. Если она ярко чего оденет, платок какой яркий — к смерти говорят, каждому возрасту своя одежда, старики вот ярко только к смерти одевают» [ЕАС-1918] и «Если старуху кто обшекочет, а она хихикнет, то она помрет. Щекотать только молодежь можно» [ЖЕА-1927].

Итак, щекотка как неподобающее возрасту действие может спровоцировать смерть. В некоторых случаях она используется как магический прием для прекращения жизни «зажившихся» стариков, аналогичный сну в новом доме и называнию новорожденного ребенка именем желающего умереть старика. Например, «если старики на свете сильно зажились, то они идут в новый дом, который построили, но не освятил никто. И вот вместо того петуха [имеется в виду петух, которого ино-

гда запускают в помещение на ночь, чтобы “первая смерть” в новом доме пришлась на него. — *В.Д.*] ночуют, чтоб, значит, помереть наконец. А так, вот никто не пойдет в дом до освящения ночевать, уж лучше на улице» [ЕАС-1918]; «Бывает — на свете этом “заживутся”, так говорят, ну, значит, очень старые. И вот они помереть хотят. И они, вот если ребенок родится, просят своим именем назвать, ну, два с одним именем в семье жить не могут. Чтоб, значит, умереть. А вообще одним именем в семье не называют у нас, кто ж хочет, чтоб помер человек» [АЕА-1928]; «Бывает, старики долго живут. И сил нет, а все живут. И умереть хотят. Они тогда просят, чтоб щекотнули их. Обычно, стараются с детьми неразумными поиграть, так чтоб дите щекотнуло. А взрослый-то знает — старого человека щекотать нельзя, потому — к смерти, помрет он. И вот взрослый-то щекотать навряд будет, своего родного убивать что ли. А так старого кто ж пощекочет — все знают, старого щекотать — помрет» [БМФ-1930]. В данном случае щекотка выступает магическим средством изменения изначального хода жизни человека.

Наконец, зафиксированы запреты на щекотку у представителей некоторых профессий. Запреты и предписания, связанные с профессиональной принадлежностью индивида, фиксировались от случая к случаю как учеными XIX — начала XX в. [Архив РАН. Ф. 849. Оп. 1. Д. 310; Зеленин 1929; Максимов 1993: 109–133, 173–197], так и современными собирателями, но запреты, связанные с щекоткой, в них не отмечены. Как показывают современные полевые материалы, любая традиционная работа имела ряд магических правил и запретов, которые необходимо было выполнять для достижения успешного результата.

Нам удалось зафиксировать запреты на щекотку только для двух профессий: пасечника и плотника. Щекотать пасечника нельзя, потому что «*у него на пчел мор нападет*» [ВАБ-1919]. Вероятно, это связано с нормативом на особое поведение на пасеке, где нельзя смеяться, кричать и даже громко разговаривать во избежание пчелиного мора. А поскольку щекотка может вызывать подобные явления, то запрет включает и ее.

Если запрет щекотать пасечника распространяется на него постоянно, то с плотником ситуация несколько иная. Норматив регулирует обращение с ним только во время строительства дома: «Пока строят дом, плотника щекотить нельзя — в доме покойник будет» [БВС-1935]. Если же плотник не занят строительством, то запрет щекотать мастера отсутствует: «Плотника так можно пощекотать, там с детьми играет или что. Но вот если дом начал, то все — тут уж нельзя, в доме покойник будет» [МНА-1933].

***

Как видно из приведенных примеров, шекотка обладает большой функциональной значимостью. Она осознается действием, способным спровоцировать негативные результаты, прежде всего болезни и смерть людей и домашнего скота. В то же время она выступает знаком, предвещающим опасности, которые угрожают членам сельской общины. В некоторых случаях шекотка становится некоей приманкой, притягивающей иномирных существ. До настоящего времени она осознается как действие, имеющее в большинстве случаев деструктивный эффект. Именно для предотвращения ее разрушительных свойств и существует разветвленная система нормативов, регулирующих поведение человека, который шекочет и которого шекочут. Вероятно, истоки этих нормативов в значительной степени восходят к представлениям о том, что при ритуально правильном поведении шекотка не представляет угрозы или ее негативные свойства могут быть нейтрализованы.

Библиография

- Богданов К.А.* Чихание: явление, суеверие, этикет // Повседневность и мифология: Исследование по семиотике фольклора. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 181–241.
- Виноградова Л.Н.* Русалка в полесских верованиях и обрядах // Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 141–194.
- Добровольская В.Е.* Обряды совершеннолетия девушек // Традиционная культура Гороховецкого края. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. С. 121–123.
- Добровольская В.Е.* «Грозные праздники» в системе календарных дат Муромского района // Живая старина. 2005. № 2. С. 18–21.
- Добровольская В.Е.* Запреты и предписания, связанные с женскими сельскохозяйственными работами в традиционной культуре Русского Севера // Традиционная культура Русского Севера: Истоки и современность: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея Малые Корелы. Архангельск: Музей Малые Корелы, 2010. С. 304–314.
- Добровольская В.Е.* Категория «хорошее / плохое время» в традиционной культуре Центральной России // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. Вып. 9. С. 276–292.
- Добровольская В.Е.* Обряды совершеннолетия у девушек и суеверные представления, связанные с месячными // Фольклор Судогодского края. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1999. С. 178–180.

- Добровольская В.Е.* Платное, бабы дела, ходить в молодые: использование терминов в традиционной культуре Центральной России (на примере Владимирской области) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: М-лы международной научной конференции. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2009. С. 83–86.
- Добровольская В.Е.* «Смеяться, право, не грешно...». Мифологические истоки ограничений и запретов на смех в русской традиционной культуре // Человек смеющийся. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008а. С. 165–181.
- Добровольская В.Е.* Традиционные нормативы, связанные с народным календарем // Традиционная культура. 2008б. № 3. С. 65–80.
- Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. Л.: Наука, 1929. Т. 8. С. 1–151.
- Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
- Козинцев А.Г.* Смех, плач, зевота: Психология чувств или этология общения? // Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы. М.: Старый сад, 1999. С. 97–121.
- Козинцев А.Г.* Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. В 2 т. М.: Русский духовный центр, 1993. Т. 1.
- Морозов И.А., Бутовская М.Л., Махов А.Е.* Обнажение языка (кросс-культурное исследование семантики древнего жеста). М.: Языки славянской культуры, 2008. (Studia naturalia).
- Ольман А.* На всякий чих не наздравствуешься // Лехаим. Литературно-публицистический журнал. Февраль 2008 — Шват 5768. № 2 (190). С. 35–40.
- Плотникова А.А.* Не зевай! // Живая старина. 1997. № 2. С. 35–36.
- Семиотика безумия. М.; Париж: Сорбонна. Русский институт, 2005. (Механизмы культуры.)
- Семиотика скандала. М.; Париж: Сорбонна. Русский институт, 2008. (Механизмы культуры.)
- Семиотика страха. М.; Париж; Сорбонна. Русский институт, 2005. (Механизмы культуры.)
- Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002.
- Сны и ведения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М.: РГГУ, 2002. (Традиция, текст, фольклор.)
- Сон — семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI Випперовские чтения. М.: Государственный музей изящных искусств им. А.С. Пушкина, 1993.
- Христофорова О.Б.* Заметки о колдовстве и естественных надобностях // АБ-60: Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина.

СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 168–176.

Человек смеющийся. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008.

Энциклопедия суеверий. М.: Локид-Миф, 1995.

Hecker E. Die Physiologic und Psychologic des Lachens und des Komischen. В.: Ferd Dümmlers Verlags, 1873.

McDougall W. An Introduction to Social Psychology. L.: Methuen, 1931.

Provine R.R. Laughter // *American Scientist.* 1996. Vol. 84. P. 38–45.

Provine R.R. Laughter: A Scientific Investigation. N.Y.: Penguin Books, 2000.

Weisfeld G.E. The Adaptive Value of Humor and Laughter // *Ethology and Sociobiology.* 1993. Vol. 14. P. 141–169.

Архивные материалы

Архив РАН. Ф. 849. Оп. 1. Д. 310. Зеленин Д.К. Сезонные запреты (табу) у восточных славян и их соседей.

Список информантов

АЕА-1928 — Абрамушкина Екатерина Алексеевна, 1928 г.р., с. Шубино, Гороховецкий р-н, Владимирская обл.

АМИ-1920 — Алексеева Мария Ивановна, 1920 г.р., с. Непейцыно, Судогодский р-н, Владимирская обл.

БВН-1940 — Буйлова Валентина Николаевна, 1940 г.р., г. Гороховец, Гороховецкий р-н, Владимирская обл.

БВС-1935 — Бровентьева Валентина Степановна, 1935 г.р., ур. с. Ивоино, с 1980 — д. Копнино, Селивановский р-н, Владимирская обл.

БМК-1908 — Борисова Мария Ксенофонтовна, 1908 г.р., с. Карتماзово, Судогодский р-н, Владимирская обл.

БМП-1915 — Белозерова Мария Петровна, 1915 г.р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н, Ярославская обл.

БМФ-1930 — Безбородова Мария Федоровна, 1930 г.р., д. Бережки, Судогодский р-н, Владимирская обл.

ВАБ-1919 — Волганова Антонина Борисовна, 1919 г.р., с. Фоминки, Гороховецкий р-н, Владимирская обл.

ГЛИ-1940 — Гарина Любовь Ивановна 1941 г.р., д. Непейцыно, Судогодский р-н, Владимирская обл.

ГМП-1928 — Гаврилова Мария Петровна, 1928 г.р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н, Ярославская обл.

ГАН-1918 — Гасова Александра Николаевна, 1918 г.р., д. Копнино, Селивановский р-н, Владимирская обл.

ЕАС-1918 — Егунова Аграфена Степановна, 1918 г.р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н, Владимирская обл.

ЕКВ-1926 — Егунова Клавдия Васильевна, 1926 г.р., с. Большая Брембола, Переславль-Залесский р-н, Ярославская обл.

- ЕСМ-1921 — Ермолаев Сергей Михайлович, 1921 г.р., с. Красное, Переславль-Залесский р-н, Ярославская обл.
- ЖЕА-1927 — Жильцова Евдокия Алексеевна, 1927 г.р., п. Волосатое, Селивановский р-н, Владимирская обл.
- КАИ-1928 — Кукушкина Анастасия Ивановна, 1928 г.р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н, Ярославская обл.
- КАФ-1934 — Коренева Анастасия Федоровна, 1934 г.р., п. Берендеево, Переславль-Залесский р-н, Ярославская обл.
- ЛАИ-1921 — Логинова Антонина Ивановна, 1921 г.р., с. Драчёво, Селивановский р-н, Владимирская обл.
- МНА-1933 — Маркова Нина Алексеевна, 1933 г.р., д. Шипилово, Судогодский р-н, Владимирская обл.
- ПВП-1923 — Поволокина Вера Петровна, 1923 г.р., с. Ям, Переславль-Залесский р-н, Ярославская обл.
- ПГМ-1925 — Пикина Галина Михайловна, 1925 г.р., ур. с. Карачарово (Муромский р-он); с 1954 г. — п. Красная Горбатка, Селивановский р-н, Владимирская обл.
- ПКП-1934 — Первушина Клавдия Петровна, 1934 г.р., с. Ям, Переславль-Залесский р-н, Ярославская обл.
- РНС-1936 — Рогожина Нина Сергеевна, 1936 г.р., д. Чулково, Гороховецкий р-н, Владимирская обл.
- СВИ-1941 — Серова Валентина Александровна, 1941 г.р., д. Курково, Селивановский р-н, Владимирская обл.
- СЕИ-1925 — Самоилова Екатерина Ивановна, 1925 г.р., ур. с. Булатниково (Муромский р-н), с 40-х гг. — д. Переложниково, Селивановский р-н, Владимирская обл.
- СЛФ-1918 — Соколова Любовь Федоровна, 1918 г.р., с. Владычное, Пошехонский р-н, Ярославская обл.
- ТМИ-1915 — Тузова Мария Ивановна, 1915 г.р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н, Ярославская обл.
- ТМИ-1956 — Тихонов Михаил Иванович, 1956 г.р., п. Красная Горбатка, Селивановский р-н, Владимирская обл.
- ФВА-1928 — Фролова Валентина Алексеевна, 1928 г.р., ур. с. Высоково, с 1947 г. — п. Красная Горбатка, Селивановский р-н, Владимирская обл.